

ПАМЯТИ ВАДИМА СИДУРА ¹

Хотелось бы сказать здесь что-либо интересное или, во всяком случае, содержательное. Но мне трудно это сделать — я не искусствовед и работы — скульптуры и картины, оцениваю так: замечательно, очень понравилось, понравилось, просто отвратительно. С этим же не выступишь. Разумеется, я очень высокого мнения о работах Сидура, но кое-что мне не нравилось. На это Дима обижался — считал, очевидно, следствием художественной неразвитости. Вполне возможно, что Дима был прав — мой вкус формировался в значительной мере под его влиянием, но он шел все вперед и вперед, а я отставал. Подняться до принятия мутаций и особенно гробарта я так и не смог.

О Диме как о человеке также пришлось бы, в основном, ограничиться лишь эпитетами — добрый, умный и т. п. Поэтому решил рассказать о мытарствах, выпавших на Димину долю. Делаю это не без задней мысли, о чем будет сказано в конце выступления.

Мытарств было очень много, но я, естественно, коснусь лишь того, к чему сам имел отношение.

В 1971 г. скончался известный физик Игорь Евгеньевич Тамм. Мы, близкие к нему люди, стали беспокоиться о памятнике (надгробии), и я обратился к Диме. Он предложил одну свою скульптуру, она в конце концов и оказалась установленной на могиле И. Е. Тамма (на Новодевичьем кладбище) и всем присутствующим, вероятно, известна хотя бы по фотографиям. Нужно напомнить, что работы Сидура тогда, практически, не выставлялись и не признавались. Поэтому установка памятников на кладбищах была важным каналом, по которому можно было хоть что-нибудь предать обозрению. Так, памятник Е. С. Варге, установленный Сидуром на Новодевичьем кладбище еще до памятника Тамму, считается, насколько знаю, одной из самых известных и ценных скульптур, имеющихся на этом кладбище.

Итак, родные и близкие остановились на проекте Сидура, о чем же еще говорить? Но не тут-то было. Новодевичье кладбище — «партийно-правительственное», и установить памятник можно было только с согласия какого-то художественного совета

Министерства культуры. О заседании этого совета, на которое я пришел в 1972 г. как представитель «заказчика», до сих пор не могу вспоминать без отвращения и возмущения. Бедный Дима: ему приходилось выслушивать злобный бред «известных» скульпторов, не имея возможности сказать, что он о них думает. Впрочем, кто-то и защищал проект. Передать суть обсуждения я не могу, поскольку оно представляется совершенно иррациональным. Конечно, я сказал им пару теплых слов, чем, вероятно, только навредил делу. Голосование оказалось неопределенным (равное число голосов «за» и «против»). Раздались крики: председатель голосовал «за», значит, решение «в пользу потерпевшего или провинившегося (?)», не помню, какое из этих слов произносилось. В результате, после преодоления еще немалых трудностей памятник удалось установить. Но, действительно, все мы (и Дима в первую очередь) были «потерпевшими». Заказчиком была Академия наук СССР, Сидур был уже известным скульптором, в памятник не было, казалось бы, ничего вызывающего, но все равно его установка зависела от произвола кучки посторонних.

«Не пущать и запрещать» — вот под какими «лозунгами» приходилось всю жизнь работать Сидуру и, конечно, не ему одному.

Приведу второй пример.

В 1967 г. Сидур создал портрет Эйнштейна. Вероятно, это самая известная скульптура Сидура. Я о ней самого высокого мнения и в данном случае это мнение может иметь какой-то вес, ибо Эйнштейн для меня (наряду со Львом Толстым) — самый великий из великих, и я видел большинство, вероятно, его фотографий, включая фотографии скульптур, а иногда и сами скульптуры. Портрет был выполнен из гипса, а отлить его из бронзы у Сидура не было возможности, да и установить его у нас тогда никто не смог бы. Поэтому Дима согласился продать скульптуру на Запад, ее видели посетители его мастерской и были о ней высокого мнения. Коротко говоря, пришли из США официальные письма с просьбой продать скульптуру. Как это ни дико звучало тогда для иностранцев и, к счастью, кажется анахронизмом для нас теперь, но ведь тогда (и до совсем недавнего времени) художник у нас был совершенно бесправен и продать свою работу за границу, как правило, не имел возможности. Нужно поэтому было добиваться разрешения отправить скульптуру в США. С этой целью я написал соответствующее письмо П. Н. Демичеву, тогда, кажется, секретарю ЦК КПСС, «ответственному» за вопросы культуры. Потом Демичев стал министром культуры и более известным. Но тогда, в начале 70-х годов, помню, я не без труда узнал его имя и отчество. Итак, послал письмо с приложением бумаг из США. Меня Демичев ответом не удостоил, а переправил все в Министерство культуры. А они направили к Сидуру в мастерскую некоего «специалиста». Последний или, точнее, последняя взяла также

какие-то фотографии и доложила «по начальству». В итоге, мне позвонил зам. министра Попов (думаю, что не перепутал фамилию, а инициалов не знаю) и сказал, что «он картин и репродукций Сидура у себя дома не повесил бы». Меня это, естественно, возмутило и я довольно резко ответил, что придерживаюсь прямо противоположного мнения и только Сидура у себя дома и вешаю (это истинная правда). Но ведь речь не идет о наших вкусах, а о возможности приобрести скульптуру теми, кому она нравится. Не помню других подробностей разговора, но, так или иначе, продать скульптуру не удалось. Для Сидура, разумеется, важны были не деньги (хотя он и нуждался), а возможность отлить скульптуру в бронзе и, главное, выставить ее. Поэтому он в дальнейшем согласился с таким планом (я в нем не принимал особого участия и не помню подробностей): Сидур дарит скульптуру Академии наук СССР, а она, в свою очередь, дарит ее Физической лаборатории им. Ферми близ Чикаго. Такой вариант сработал, и в 1975 г. портрет Эйнштейна оказался в США, был отлит из бронзы и установлен. В 1987 г. я получил возможность посетить лабораторию им. Ферми (кстати, до этого меня 18 лет в США не пускали, так что угнетали и дискриминировали у нас отнюдь не только художников). К сожалению, скульптура там «не смотрится». Она стоит в углу на деревянном постаменте и без всякой, если не ошибаюсь, надписи. А Дима ведь хотел, и только это правильно, чтобы голова Эйнштейна вращалась (она, так сказать, двусторонняя), и естественно было бы поставить ее на виду. К сожалению, директор лаборатории (по сути дела, это огромный институт) отсутствовал, да и как-то не хотелось мне «качать права». Люди сами должны понимать такие вещи. К счастью, эта скульптура и так стала знаменитой, два раза фигурировала на обложке физического журнала ЦЕРНа и установлена в четырех институтах в ФРГ.

Наконец, последний пример. Сразу же после похорон Сидура МОСХ начал пытаться захватить его мастерскую — сырой подвал, в котором он вынужден был работать долгие годы: 30 лет. Ценность этого подвала ясна уже из того, что Сидур платил за его аренду 9 рублей в месяц (правда, со скидкой, полагающейся инвалиду войны). Но в мастерской находилось около 500 скульптур и девать их было некуда. Началась борьба за спасение мастерской. Вначале было послано письмо в МОСХ (от 22 сентября 1986 г.), подписанное 16 писателями, физиками и т. д. Это не помогло. Тогда с помощью Л. Польской, сотрудницы «Литературной газеты», мне удалось в этой газете (от 29 апреля 1987 г.) опубликовать статью «Скульптуры, которых мы не видим (о судьбе работ Вадима Сидура)». Статья заканчивалась так: «настоящую статью прошу считать открытым письмом в Советский Фонд культуры и в Министерство культуры СССР — не позволяйте уничтожить мастерскую Вадима Сидура, что было бы подлинным актом вандализма». То

ли угроза прослыть вандалами, то ли общее изменение обстановки (вероятно, и то, и другое) привели к тому, что МОСХ сдался, мастерская сохранилась.

Я напомнил об этих трех эпизодах, если можно так выразиться, по двум причинам. Во-первых, сейчас все время читаешь и слышишь утверждения: перестройка провалилась, шесть лет шли не тем путем и т.д. и т.п. Думаю, что так могут считать только люди, лишённые памяти и некоторых других чувств, вроде чувства справедливости. Не видеть, как много изменилось после 1985 г., и особенно после 1987 г., могут, как я считаю, только слепые. Ведь сегодня мы говорим и пишем, что хотим, почти свободно ездим за границу, почти избавились от страшной угрозы ядерной войны. Конечно, очень плохо с экономикой, но значит ли это, что нужно все охаивать и призывать к разрушительным забастовкам? Мое мнение на этот счет, надеюсь, ясно из сказанного. Во-вторых, хочу подчеркнуть, что как ни тяжела была Димина жизнь, он не озлобился, не превратился в разрушителя. Была в нем мягкая мудрость, которой так часто недостает людям. Мы спорили, но понимали друг друга. Думаю, что и современную ситуацию оценивали бы близким образом, а если бы и разошлись во взглядах, то все равно не рассорились, понимали бы, что каждый человек имеет право на свое мнение и не должен бояться его высказывать. А то ведь сегодня сплошь и рядом, как только кто-то не согласен, так его готовы возненавидеть, а то и распять. Ничего подобного не было в обычаях и характере светлой памяти Вадима Сидура.

Примечание

1. Вадим Абрамович Сидур (28 июня 1924–26 июня 1986) был выдающимся скульптуром и художником. Писал он также прозу и стихи. При советской власти он был не в фаворе и жилось ему тяжело. К счастью, сейчас работы В. Сидура получили заслуженное признание не только за границей, но и в России. С 1989 г. работает музей Сидура (Москва, Новогиреевская ул., д. 37. Тел. 918-51-81. Музей Вадима Сидура). Недалеко от этого музея установлен памятник работы Сидура — «Памятник воинам-москвичам, погибшим в Афганистане».

Настоящая заметка представляет собой текст моего выступления на состоявшемся 27 марта 1991 г. в Московском доме кино вечере памяти В. Сидура.